

Научная статья

УДК 81

DOI: <https://doi.org/10.18721/JHSS.17201>

EDN: <https://elibrary/COVFAR>

К ПРОБЛЕМЕ КУЛЬТУРНО-ПРАГМАТИЧЕСКОЙ АДАПТАЦИИ В НЕЙРОННОМ МАШИННОМ ПЕРЕВОДЕ (НА МАТЕРИАЛЕ АНГЛО-, РУССКО- И АРМЯНОЯЗЫЧНОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО МЕДИАДИСКУРСА)

Г.Р. Гаспарян , М.С. Ишханян

Ереванский государственный университет им. В.Я. Брюсова,
Ереван, Республика Армения

 gasparyan.gayane@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена проблеме семантической и когнитивно-прагматической адекватности нейронного машинного перевода при передаче культурно маркированных инвективных единиц, содержащихся в политических медиатекстах. Актуальность исследования определяется широким внедрением нейронных систем перевода в процессы медиапроизводства, направленного на оперативное распространение информации на различных языках. Цель исследования заключается в сопоставительном анализе переводов, выполненных профессиональными переводчиками онлайн-СМИ и системами нейронного машинного перевода (Google Translate, DeepL, Yandex Translate) для выявления типичных ошибок машинного перевода при обработке культурно маркированной инвективной лексики и необходимости их постредактирования человеком. Материал исследования включает фрагменты политических медиатекстов на русском, английском и армянском языках, содержащих имплицитно и эксплицитно выраженные культурно маркированные элементы речевой агрессии (зоометафоры-инвективы, этнодисфемизмы, псевдоэтнические номинации, пейоративную лексику и др.), а также их переводы на целевые языки. При этом исходный язык варьируется в зависимости от конкретного примера. Применялась сравнительно-сопоставительная методология с использованием дискурс-анализа, а также межкультурного и переводческого анализа для выявления различий как на семантическом и прагматическом уровнях, так и на уровне культурно обусловленных когнитивных компонентов текста. Выявлено, что системы нейронного машинного перевода допускают системные ошибки, связанные с преобладанием буквального принципа перевода, что приводит к утрате или, напротив, к усилению речевой агрессии, к нарушению коммуникативного воздействия, а также к неадекватной передаче когнитивных фреймов, динамически изменяющихся значений, иронии, сарказма и языковой игры. Результаты анализа свидетельствуют о частичном или полном отсутствии семантической, культурной и прагматической адаптации в системах машинного перевода, что указывает на ограничения данных систем в передаче культурно и прагматически маркированного содержания текста. Исследование показало, что полный переход на системы нейронного машинного перевода без последующего постредактирования человеком является преждевременным.

Ключевые слова: политический медиадискурс, инвектива, этнодисфемизм, псевдоэтническая номинация, машинный перевод, прагматическая адаптация.

Для цитирования: Гаспарян Г.Р., Ишханян М.С. К проблеме культурно-прагматической адаптации в нейронном машинном переводе (на материале англо-, русско- и армяноязычного политического медиадискурса) // Terra Linguistica. 2026. Т. 17. № 2. С. 6–23. DOI: 10.18721/JHSS.17201

ON CULTURAL AND PRAGMATIC ADAPTATION IN NEURAL MACHINE TRANSLATION (BASED ON ENGLISH, RUSSIAN AND ARMENIAN POLITICAL MEDIA DISCOURSE)

G.R. Gasparyan , M.S. Ishkhanyan

Yerevan State University after V. Brusov,
Yerevan, Republic of Armenia

 gasparyan.gayane@yandex.ru

Abstract. The article focuses on semantic and cognitive-pragmatic adequacy of neural machine translation in transmitting political media texts containing culturally marked invective units. The relevance of the study is determined by the widespread integration of neural machine translation systems into media production processes aimed at the rapid dissemination of information in multiple languages. The aim of the study is a comparative analysis of translations performed by professional translators of online media outlets and neural machine translations (Google Translate, DeepL, Yandex Translate) to identify typical machine translation errors in rendering culturally marked invective vocabulary and the need for their post-editing by humans. The research material includes fragments of political media texts in Russian, English, and Armenian containing implicitly and explicitly expressed culturally marked elements of verbal aggression (zoometaphor-invective, ethno-dysphemism, pseudo-ethnic nomination, pejorative vocabulary etc.), as well as their translations into the target languages. The source language varies depending on the specific case. A comparative-contrastive methodology was applied, combining discourse analysis, cross-cultural and translation-oriented approaches, to identify differences at the semantic and pragmatic levels, as well as at the level of culturally conditioned cognitive components of the text. It was revealed that neural machine translation systems produce systematic errors associated with the predominance of the literal translation principle, resulting in either the loss or, on the contrary, to the intensification of verbal aggression, the disruption of communicative impact, and the inadequate rendering of cognitive frames, dynamically shifting meanings, irony, sarcasm, and wordplay. The findings indicate a partial or complete absence of semantic, cultural and pragmatic adaptation in machine translation systems, which points to the limitations of these systems in conveying culturally and pragmatically marked textual content. The study demonstrates that a complete transition to neural machine translation systems without subsequent human post-editing is premature.

Keywords: political media discourse, invective, ethno-dysphemism, pseudo-ethnic nomination, machine translation, pragmatic adaptation.

Citation: Gasparyan G.R., Ishkhanyan M.S. On Cultural and Pragmatic Adaptation in Neural Machine Translation (Based on English, Russian and Armenian Political Media Discourse), *Terra Linguistica*, 17 (2) (2026) 6–23. DOI: 10.18721/JHSS.17201

Введение

Актуальность настоящего исследования обусловлена активной интеграцией систем машинного перевода в сферу медиапроизводства и политической коммуникации. Несмотря на значительный прогресс нейросетевых технологий, сохраняются трудности, связанные с передачей культурно- и прагматически маркированных элементов текста, что влияет на адекватность перевода.

Практическая значимость исследования определяется необходимостью повышения качества машинного перевода при работе с культурно маркированным материалом. Анализ эффективности современных нейросетевых систем позволяет выявить ограничения существующих алгоритмов и определить направления их совершенствования.

В этой связи научная новизна исследования заключается в том, что оно проводится на материале английского, русского и армянского языков, представляющих три различные культурно-языковые системы, с применением сопоставительного анализа переводов, выполненных тремя нейросетевыми системами машинного перевода и профессиональными переводчиками онлайн-СМИ. Такой подход создает условия для объективного сопоставления и дифференциации переводческих решений в антропогенном и машинном переводе.

В контексте обозначенной проблематики особую значимость приобретает анализ политического медиадискурса, выступающего важным механизмом формирования общественного мнения, в рамках которого экспрессивная и оценочная лексика нередко используется как средство реализации манипулятивного воздействия. Особое место в структуре политического медиадискурса занимает инвективная лексика, зачастую обладающая выраженной культурной маркированностью, что существенно осложняет задачи перевода и требует учета не только языковых, но и прагматических, социокультурных и дискурсивных факторов.

Тенденция повсеместного применения систем нейронного машинного перевода уже оказывает влияние на рынок труда: по данным Карла Фрея, внедрение онлайн-сервисов привело к сокращению рабочих мест для специалистов по иностранным языкам¹. Это, в свою очередь, может снижать интерес к лингвистическим и переводческим специальностям и влиять на уровень профессиональной подготовки переводчиков.

В этом контексте особую значимость приобретает исследование возможностей и ограничений машинного перевода при работе с текстами политического содержания, где точность прагматической трансмиссии высказывания имеет принципиальное значение.

Цель исследования заключается в сопоставительном анализе переводов, выполненных профессиональными переводчиками онлайн-СМИ и системами нейронного машинного перевода, в выявлении и систематизации типичных ошибок машинного перевода при обработке культурно маркированной инвективной и этноспецифической лексики (как в эксплицитной, так и в имплицитной форме) и необходимости их постредактирования человеком, а также в разработке теоретической базы для совершенствования алгоритмов машинного перевода при работе с культурно маркированной инвективной лексикой.

Для достижения поставленной цели формулируется следующий общий исследовательский вопрос:

Какие типы искажений возникают при передаче культурно маркированной инвективной и этноспецифической лексики в машинном переводе политического медиадискурса?

Для конкретизации анализа выделяются следующие частные исследовательские вопросы:

1. Какие типы когнитивно-семантических и прагматических искажений возникают при передаче культурно маркированной инвективной лексики в машинном переводе?
2. Каким образом машинный перевод влияет на сохранение или утрату инвективного, оценочного и прагматического фрейма высказывания?
3. В какой степени профессиональный перевод обеспечивает более адекватную передачу культурно обусловленных и прагматически маркированных единиц по сравнению с системами машинного перевода?

Анализ материала и предварительные данные свидетельствуют о том, что ошибки машинного перевода не являются изолированными, а обусловлены особенностями функционирования политического медиадискурса. Их адекватная межъязыковая передача требует учета не только лексико-семантических, но и дискурсивных, социокультурных и коммуникативных факторов, что обуславливает необходимость комплексного теоретического осмысления трансформаций медиакommunikации.

¹ Как ИИ снимает языковые барьеры, и нужны ли теперь люди-переводчики // РБК Компании. URL: rbc.ru – <https://707.su/NrCf> (дата обращения: 09.06.2026).

Постановка проблемы

Текущий этап развития медиапространства, характеризующийся процессами глобализации и цифровизации, сопровождается комплексными изменениями в политическом медиадискурсе, связанными с трансформацией его коммуникативных и прагматических параметров.

Эти изменения одновременно носят системный характер и затрагивают различные уровни функционирования языка СМИ – от стилистической организации текста до его прагматической направленности и коммуникативных стратегий. Особенно отчетливо они проявляются в политическом медиадискурсе, позволяя выявить ключевые тенденции современной медиакommunikации.

Одним из существенных изменений является трансформация функционально-прагматического вектора политического медиадискурса, что выражается в модификации его оценочно-экспрессивных характеристик. По наблюдению Н.Е. Петровой и Л.В. Рацибурской, «общий тон современных СМИ – ироничный, скептический, насмешливый...»² Такая трансформация медиакommunikации обусловлена изменением роли средств массовой информации в современном обществе. В частности, как отмечают М.А. Кормилицина и О.Б. Сиротина, «современные СМИ не только информируют, но и интерпретируют происходящее...»³ Данная тенденция особенно отчетливо проявляется в политическом медиадискурсе, где языковые средства функционируют не только как инструмент информирования, но и как механизм целенаправленного воздействия на массовое сознание.

Значительные изменения обусловлены развитием медиаплатформ и распространением формата прямых трансляций, в рамках которых возрастает роль неподготовленного речевого взаимодействия. Как справедливо отмечает О.Б. Сиротина, «прямой эфир вывел на официальный экран телевизора спонтанную устную речь с неизбежными для нее ошибками речи...» [1, с. 6]. При этом усиливаются театрализация и экспрессивность речи, тогда как рационально-аргументативная составляющая постепенно утрачивает доминирующее положение.

В связи с этим возрастает значимость персуазивной направленности дискурса. Как отмечает В.И. Карасик, персуазивная функция реализуется посредством использования средств речевого воздействия, направленных на убеждение адресата в правомерности и обоснованности позиции говорящего, а также на формирование у него определенной оценки рассматриваемого явления. Реализация воздействия осуществляется посредством целенаправленного отбора языковых средств, включая выбор лексических единиц с различной прагматической нагрузкой (нейтрализация или усиление оценки), создание новых номинаций, использование грамматических конструкций, способствующих смещению акцентов и маскировке субъекта действия и др. Существенную роль в формировании персуазивного эффекта играет также обращение к имплицитным основаниям высказывания, влияющим на интерпретацию информации адресатом [2; 3, с. 129].

Таким образом, политический медиадискурс все в большей степени функционирует как инструмент воздействия, направленный на формирование эмоционально-оценочного восприятия и регуляцию интерпретационных и поведенческих реакций адресата.

Согласно А.П. Чудинову, отмечаются ослабление стилистических норм и усиление влияния некодифицированных языковых средств, а также активизация экспрессивных средств, включая метафорические модели (антропоморфную, природоморфную, социоморфную и артефактную)⁴. Эта тенденция продолжается и в наблюдениях Н.Е. Петровой и Л.В. Рацибурской, которые отмечают, что «стремление журналистов реализовать стратегию близости к адресату

² Петрова Н.Е., Рацибурская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. 4-е изд. стер. М.: Флинта, 2016. С. 18.

³ Кормилицина М.А. Сиротина О.Б. Язык СМИ: учеб. пособие. 3-е изд., стер. М.: Флинта, 2015. С. 57–61.

⁴ Чудинов А.П. Политическая лингвистика: учеб. пособие. 4-е изд. М.: Флинта: Наука, 2012. С. 103, 136–137.

приводит к размыванию границ между официальным и неофициальным, публичным и обиходно-бытовым общением в медиатекстах»⁵. Совокупность указанных процессов формирует функционально-стилистическую неоднородность медиадискурса, его гибридный характер.

Особое значение в данной структуре приобретает речевая агрессия. При сохранении базовой функции эмоциональной реакции она все отчетливее приобретает стратегический характер, направленный на дискредитацию оппонента и воздействие на аудиторию. Согласно Е.И. Щербининой, речевая агрессия реализуется посредством различных языковых средств, выражающих диапазон негативных эмоций — от недовольства до презрения⁶. Одним из наиболее значимых средств ее реализации в политическом медиадискурсе является инвективная лексика. В рамках инвективного компонента политического медиадискурса особое внимание привлекают явления псевдоэтнической номинации, под которыми в настоящем исследовании понимается трансформация культурно стереотипизированного оценочного прилагательного с закрепленной пейоративной коннотацией в этническое обращение к группе лиц, обусловленная ошибочной активацией этнического фрейма в процессе машинного перевода.

Изменения затронули и системы машинного перевода, что проявляется в переходе от статистических моделей к нейронным архитектурам и сопровождается повышением качества перевода. Согласно Ф. Кёну, нейронный машинный перевод основан на методах глубокого обучения и использует многослойные искусственные нейронные сети [4, с. 30–31]. В отличие от статистических моделей, он рассматривает перевод как единый *end-to-end* процесс и обучается на больших параллельных корпусах, что обеспечивает постепенное повышение качества перевода [4, с. 116–117, 193].

Указанные изменения, наряду с различиями языковых картин мира и культурно-специфических концептов, существенно осложняют межъязыковую коммуникацию, поскольку язык отражает не объективную реальность, а культурно и концептуально обусловленную модель мира, опосредующую интерпретацию действительности. Как отмечает Ю.Д. Апресян и др., «языковая картина мира лингво-, или этноспецифична...» [5, с. 35].

В когнитивной лингвистике язык рассматривается как средство концептуализации опыта и как компонент культуры и сознания [6], а культура трактуется как «высокоорганизованная когнитивная конструкция» [7, с. 374], определяющая способы интерпретации опыта. В сочетании с положениями А. Вежбицкой это позволяет интерпретировать языковые различия как результат несовпадения когнитивных и культурных моделей осмысления действительности.

В настоящем исследовании трудности перевода объясняются не только языковыми расхождениями, но и различиями в способах концептуализации и оценки политической реальности. Передача оценочно-экспрессивных характеристик, включая речевую агрессию, определяется культурными моделями интерпретации, что особенно значимо для культурно и прагматически маркированных единиц и подтверждает тезис А. Вежбицкой о проблеме их непереводаемости [8, с. 76–79, 107, 130].

В этих условиях существенно возрастают требования к переводу, который должен обеспечивать не только формальную, но и прагматическую, культурную и интерпретационную адекватность. Данный подход соотносится с положениями функционально-коммуникативной теории перевода [9–15], в рамках которой прагматическая адекватность понимается как достижение максимально возможного коммуникативного эффекта и соответствующей реакции реципиента [15, с. 10–116].

Современные исследования демонстрируют общую тенденцию к повышению качества нейронного машинного перевода, особенно в области лексико-семантической обработки и передачи

⁵ Петрова Н.Е., Рацбургская Л.В. Язык современных СМИ: средства речевой агрессии: учеб. пособие. 4-е изд., стер. М.: Флинта, 2016. С. 32.

⁶ Щербинина Ю.В. Русский язык: Речевая агрессия и пути ее преодоления: учеб. пособие. 2-е изд., стер. М.: Флинта, 2012. С. 9.

синтаксических структур. В работах российских исследователей⁷ подчеркивается рост адекватности машинного перевода при передаче сложных синтаксических конструкций. Аналогичные результаты представлены в зарубежных исследованиях [16–18], где отмечается прогресс нейронных систем в обработке языкового материала, при этом сохраняются ограничения в передаче культурно обусловленных единиц.

Соответствие перевода оригиналу может быть верифицировано с помощью современных компьютерных технологий. Исследование А.О. Гребенникова и др., выполненное с применением компьютерной программы T-LAB, свидетельствует о том, что при сохранении ключевых смысловых компонентов в переводе ассоциативные связи между словами претерпевают изменения, особенно в художественных текстах, что отражает интерпретационную деятельность переводчика [19].

Согласно результатам исследования О.У. Серовой, переводы отличаются от оригинала, так как явлению *translationese*, «так называемому переводческому языку», присущи особенности, проявляющиеся преимущественно в упрощении, нормализации, экспликации и интерференции. Для повышения качества перевода требуется постредактирование с учетом указанных особенностей [20].

Однако, несмотря на достигнутые результаты, остается недостаточно изученной проблема передачи культурно и прагматически маркированных единиц в различных модусах перевода. Это обуславливает необходимость сопоставительного анализа машинного и профессионального переводов для выявления типичных ошибок и оценки их влияния на прагматическую и коммуникативную адекватность политических медиатекстов, а также для обоснования ограниченной эффективности нейросетевых систем в медиапроизводстве.

Методология (материалы и методы)

Методологическая основа исследования определяется целью работы и логикой поставленных задач.

Исследование опирается на положения теории перевода, включая современные издания классических работ [9, 11–15, 21, 22], когнитивной лингвистики [6, 7, 23], лексической семантики и системной лексикографии [5], культурно ориентированной семантики [8], дискурсивных исследований и прагматики речевого воздействия [2, 3], а также исследований в области нейронного машинного перевода [4].

Материал исследования включает фрагменты политических медиатекстов на русском, английском и армянском языках, содержащих имплицитные и эксплицитно выраженные культурно маркированные инвективные единицы. Под политическими медиатекстами в настоящем исследовании понимаются тексты средств массовой коммуникации политической тематики, распространяемые через цифровые и традиционные медиа, включая новостные статьи, аналитические публикации, редакционные материалы, политические комментарии, а также пользовательский контент в социальных сетях, в том числе комментарии пользователей на страницах политических блогеров.

Анализируемые тексты относятся к последнему десятилетию и отражают современный этап развития политического медиадискурса.

Отбор материала осуществлялся методом целенаправленной выборки из онлайн-СМИ с учетом культурной специфики и прагматической маркированности текстов. Критериями отбора выступали социокультурная обусловленность и коммуникативная вариативность материала,

⁷ Чернышова А.И. Анализ машинного перевода вторично-предикативных структур в сопоставлении с антропогенным переводом: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский городской педагогический университет, 2025. 194 с.; Глотова Я.А. Корпусный анализ использования антонимического перевода: сравнение антропогенного, машинного и нейросетевого переводов: дисс. ... канд. филол. наук. М.: Московский городской педагогический университет, 2026. 234 с.

что позволило обеспечить репрезентативность анализируемых данных. Наличие инвективных и пейоративных единиц рассматривалось как обязательное условие отбора.

Материал исследования сформирован на основе публикаций ведущих онлайн-СМИ различных стран и языковых пространств, включая российские (RBC, РЕН ТВ, NewsKo), британские и американские (BBC, The Guardian, The Independent, NBC Bay Area, RTVI US), европейские (Euronews), арабские (Al Jazeera), армянские (News.am, Times.am, Sputnik Armenia, Hayeli.am, Hayacq.am), а также авторский аналитический блог на платформе Substack.

На основе отобранного материала сформирована параллельная выборка переводов, включающая:

- 1) переводы профессиональных переводчиков онлайн-СМИ;
- 2) переводы систем нейронного машинного перевода (Google Translate, DeepL, Yandex Translate);
- 3) в отдельных случаях – авторские переводческие решения, предлагаемые в качестве аналитически обоснованных вариантов, обеспечивающих более адекватную передачу исходного высказывания с прагматической и культурной точек зрения.

Исходные языки варьируются в зависимости от конкретного случая, что позволяет осуществлять сопоставление переводческих решений в различных языковых парах (русский язык – английский язык, английский язык – армянский язык, русский язык – армянский язык и др.).

Методологический инструментарий включает:

- *сопоставительный анализ* (выявление расхождений между результатами машинного перевода и профессионального перевода);
- *межъязыковой анализ* (выявление структурных, семантических и прагматических различий между языками оригинала и перевода);
- *межкультурный анализ* (выявление культурно обусловленных различий в интерпретации и репрезентации смыслов);
- *дискурс-анализ* (учет политико-коммуникативного контекста, речевой ситуации и интенциональной направленности инвективных высказываний);
- *семантико-прагматический анализ* (оценку сохранения экспрессивности, иллокутивной и персуазивной силы высказывания);
- *переводческий анализ* (выявление переводческих стратегий и трансформаций).

Применение указанных методов обеспечивает комплексный характер исследования политических медиатекстов в межъязыковом и межкультурном аспектах.

Результаты и обсуждение

На основании сопоставительного анализа фрагментов политического медиадискурса и их переводов на русский, английский и армянский языки, выполненных как системами нейронного машинного перевода, так и профессиональными переводчиками онлайн-СМИ, установлена неоднородная степень переводческой адекватности при передаче культурно маркированных инвективных единиц. Полученные результаты свидетельствуют о том, что ключевые затруднения машинного перевода связаны не с передачей лексического значения как такового, а с нарушением когнитивно-фреймовой и прагматической эквивалентности высказывания.

В рамках проведенного исследования выявлена следующая типология нарушений машинного перевода культурно маркированных инвективных единиц, включая зоометафоры, фразеологические и идиоматические выражения разговорного регистра:

- 1) когнитивно-семантические и фреймовые несоответствия (*с дальнейшей внутренней дифференциацией*);
- 2) этнопрагматические искажения инвективного дискурса (*с дальнейшей внутренней дифференциацией*).

Когнитивно-семантические и фреймовые несоответствия

Выделенные типы нарушений проявляются в анализируемых материалах в комплексном виде и варьируются в зависимости от характера зоометафорической единицы и языковой пары перевода. Особое внимание уделяется зоометафорам как устойчивому элементу политического медиадискурса, выполняющему функцию пейоративной номинации. Инвективные зоонимы демонстрируют высокую частотность употребления, однако их семантическая и прагматическая эквивалентность при переводе характеризуется нестабильностью.

К числу наиболее устойчивых и по-прежнему активно используемых в политическом медиадискурсе инвективных зоонимов относятся *козел*, *баран*, *стадо баранов*, которые могут функционировать как изолированно, так и в составе парных конструкций *козлы и бараны*.

В изолированном употреблении данные единицы сохраняют выраженное пейоративно-оценочное значение, связанное с характеристиками глупости, пассивности и моральной девиации политических субъектов. В период предвыборной мобилизации зооним *бараны* в политической риторике также может метонимически обозначать электорат, акцентируя его пассивность и не критичность.

Существенная проблема машинного перевода (Google Translate, DeepL, Yandex Translate) заключается в буквальной зоологической интерпретации данных единиц, передаваемых как *goats/sheep* (досл.: *козы, козлы*) и *sheep/rams* (досл.: *овны*), что приводит к прагматическому несоответствию. В англоязычной картине мира *goat* может активировать фрейм сексуальной распущенности, который не соответствует русской инвективе *козел*, обозначающей не развратного человека, а «неприятного, подлого, бесчестного, морально осуждаемого индивида». При этом *ram* (*самец овцы*) не закреплен как инвективная лексическая единица, вследствие чего исходная оценочная и делегитимирующая функция высказывания не воспроизводится. Таким образом, возникает фреймовая рассинхронизация между исходным и целевым дискурсами, при которой зоометафора сохраняется формально, но утрачивает инвективную прагматику.

В английском языке отсутствует полноценный однословный эквивалент русских инвективов типа *подлец* и *мерзавец*, что связано с межъязыковой асимметрией оценочной лексики. Английские соответствия (*scoundrel, villain, bastard, creep* и др.) различаются по степени грубости и стилистической окраске и лишь частично передают значение русских инвективов: *bastard* является грубым и частично табуированным, *scoundrel* – литературным и относительно архаичным [8, с. 79–83]. В результате *подлец* занимает промежуточное положение между ними, оставаясь более разговорным и экспрессивным средством морального осуждения.

Дополнительно зооним *козел* обладает в русском языке многослойной культурно-семантической нагрузкой: помимо общего пейоративного значения он закреплен и в воровском жаргоне как обозначение заключенных, сотрудничающих с администрацией исправительных учреждений, что усиливает его инвективный статус и связь с семантикой предательства и социального падения. Именно эта многослойная прагматика объясняет обращение к английским зоометафорам типа *jackal*, частично воспроизводящим инвективный фрейм подлости, предательства и неблагоприятного поведения.

В армянском языке для обозначения подлого, мерзкого человека используются лексемы *ըրկիւն / ւտըր ւտըր* (досл.: *негодяй / подлый человек*), тогда как *սոճեր և ոչ/սոճերներ* (досл.: *козлы и бараны*) и *սոճեր և խոյեր* (досл.: *козлы и овны*) в машинном переводе функционируют исключительно как наименования животных и не обладают инвективной семантикой, то есть не являются пейоративно маркированными единицами в системе языка.

При машинном переводе DeepL выявлена ошибка в передаче зоонимов *козлы и бараны* на армянский язык: они были некорректно интерпретированы как *զոռնիկներ և խոյեր* (досл.: *ягнята и овны*). В отдельных случаях система также ошибочно подставляет лексему *սըզեր, ձիւղեր* (досл.: *медведи, детеныши*). При этом форма *զոռնիկներ* (досл.: *ягнята*) также искажена

на морфологическом уровне, что свидетельствует о снижении точности морфосемантической обработки в системе машинного перевода.

При передаче исходного высказывания необходимо учитывать авторскую интенцию и прагматический аспект, связанный с языковой игрой и зоометафорическим противопоставлением *козлы и бараны – разные люди*, где реализуется метафорическое моделирование человека через зоонимы.

В этой связи для сохранения игровой структуры и прагматического эффекта представляется адекватной переводческой стратегией функциональная замена культурно релевантным зоонимом, обеспечивающая сохранение эквивалентного инвективного фрейма: շիլիլիկներն ու շիւտրներն՝ տիրերկր յիտրերկր կն (досл.: *шакалы и бараны – это разные люди*) и *jackals and sheep are different people*.

Следует отметить, что в армянском языке фиксируется асимметрия между нормативной и узуальной подсистемами: кодифицированные зоонимы сохраняют денотативную функцию, тогда как некодифицированные формы приобретают инвективный статус и выполняют прагматически маркированную оценочную функцию в политическом медиадискурсе. Так, нормативно закрепленная форма շիտրիկ (досл.: *шакал*) противопоставляется узуальному շիլիլի (досл.: *шакал*), отсутствующему в словарях, но широко функционирующему в разговорной и политической коммуникации как пейоративная единица, актуализирующая фрейм моральной низости, агрессивности и коварства.

Несовпадение коннотаций наблюдается и в следующем примере: *There's no debate: Donald Trump's a chicken* (США, 2024). В данном случае зооним *chicken* функционирует в политическом медиадискурсе как инвективная метафора, реализующая значение «трус» и используемая для дискредитации политического оппонента в контексте отказа от участия в дебатах. Профессиональные переводчики онлайн-СМИ передают данную единицу с сохранением прагматического значения, осуществляя функциональную замену: *Нет никаких дебатов: Дональд Трамп – трус / Դոնալդ Թրամփը վախկոկ է* (досл.: *Дональд Трамп – трус*) тем самым эксплицируя исходную инвективную семантику и устраняя зооморфную форму, не релевантную для русской и армянской языковых картин мира. В ряде случаев данный пример адекватно переводится системами DeepL и Yandex Translate на русский язык (*Дональд Трамп – трус*), однако в армянском варианте наблюдаются отклонения.

Система машинного перевода Google Translate демонстрирует буквальный принцип перевода, сохраняя зооним и передавая его как *курица – Դոնալդ Թրամփը հիւլ է* (досл.: *Дональд Трамп – курица*), что приводит к прагматическому и культурному искажению высказывания. В целевом языке утрачивается инвективная функция высказывания, поскольку зооним *курица* не закреплён в русском и армянском политическом дискурсе в значении *трус* и активизирует преимущественно денотативный образ животного, а также иной, нерелевантный для исходного высказывания инвективный фрейм зооморфной уничижительной оценки общего характера, не совпадающей с англоязычной моделью *chicken (трус)*.

Таким образом, наблюдается расхождение между профессиональной переводческой стратегией (семантическая и прагматическая адаптация с заменой инвективной единицы) и машинным переводом (формальное сохранение зоометафоры), что приводит к нарушению инвективного фрейма и снижению коммуникативного эффекта высказывания.

Данные типы нарушений актуализируются не только в пределах зоометафор, но и при переводе фразеологических единиц, обладающих высокой степенью идиоматичности и культурной обусловленности. В этом случае особую сложность представляет передача устойчивых выражений политического медиадискурса, где оценочная и инвективная семантика закреплена не за отдельным словом, а за целостной идиомой, что существенно повышает риск буквальной интерпретации при машинном переводе.

Английский язык характеризуется высокой степенью идиоматичности, что находит отражение в политическом медиадискурсе, где активно функционируют фразеологические единицы с оценочной и инвективной семантикой. Изучение анализируемых примеров показало, что машинный перевод приводит к прагматическим и когнитивным искажениям.

Так, английская идиома *wet noodle*, активно функционирующая в разговорно-политическом дискурсе и обладающая ярко выраженной инвективной семантикой является иллюстрацией обозначенных переводческих трудностей. Данная единица используется в политическом медиадискурсе для негативно-оценочной и экспрессивной характеристики поведения политического субъекта: *You stood there like a little wet noodle, like a little fanboy* (А. Шварценеггер в адрес Д. Трампа, США, 2016 г.).

Анализ представленных переводов показывает, что все три системы машинного перевода демонстрируют типичные ошибки при обработке идиоматически и прагматически маркированного выражения *wet noodle*. Прежде всего наблюдается тенденция к буквализации: как в русском, так и в армянском переводе идиома передается как *мокрая лапша* / *յաց յրհշտի* (досл.: *мокрая лапша*), что является формально корректным, но семантически неадекватным решением. Системы машинного перевода не распознают переносное значение *слабый*, *трусливый*, *безвольный человек*, вследствие чего частично утрачивается инвективная функция высказывания и происходит его прагматическая нейтрализация.

Дополнительной проблемой выступают лексико-семантические ошибки и нестабильность эквивалентов, особенно в переводах на армянский язык. Так, система DeepL предлагает вариант *յաց զիզիլի* (досл.: *мокрая лазанья*). В отдельных случаях фиксируется также лексема *յիշխրնիլի* (досл.: *макаронка*), что свидетельствует о некорректной интерпретации английской лексемы *noodle* и приводит к искажению денотативного значения.

Наряду с этим фиксируется утрата экспрессивности и интенсификации: в оригинале сочетание *little wet noodle* усиливает уничижительный эффект, тогда как в переводах данная экспрессия не компенсируется средствами целевого языка.

Варианты *маленький фанат* и *փոքրիկ երկրպագու* (досл.: *маленький почитатель, поклонник*) передают лишь денотативное значение *a little fanboy*, не воспроизводя его пейоративной коннотации, что ведет к дополнительному ослаблению негативной оценки.

Таким образом, машинный перевод в данном случае характеризуется буквальной интерпретацией идиомы, утратой инвективной и экспрессивной функции, а также лексическими и прагматическими искажениями, наиболее заметными в переводах на армянский язык.

Вариант перевода, выполненный профессиональным переводчиком: *Вы стояли там как олух, как маленький фанат*, реализует стратегию прагматической адаптации с модуляцией и генерализацией инвективного компонента. Переводчик отказывается от образной структуры оригинала, заменяя метафорическое выражение *wet noodle* прямой инвективной единицей *олух*, что обеспечивает более явную передачу негативной оценки. Компонент *fanboy* передается посредством сочетания *маленький фанат*, где прилагательное *маленький* соответствует оценочному компоненту *little* в исходном высказывании и сохраняет его уничижительно-уменьшительную семантику. В результате достигается высокая степень прагматической эквивалентности инвективной функции, однако утрачиваются метафоричность и образный слой высказывания. Таким образом, перевод демонстрирует переход от образно-метафорической репрезентации к прямой инвективе, что усиливает воспринимаемую агрессивность высказывания при одновременном снижении его стилистической экспрессии и идиоматической эквивалентности.

Машинный перевод выражения *You, great big girl's blouse* (Б. Джонсон в адрес Дж. Корбина, Великобритания, 2019 г.), также демонстрирует, что системы машинного перевода преимущественно опираются на буквальную интерпретацию компонентов выражения, не идентифицируя его как идиоматическую единицу *big girl's blouse*. В результате инвективная семантика (*трус,*

слабак) подменяется предметным значением *блузка*, что приводит к семантической деформации и прагматической неадекватности высказывания.

При этом наблюдаются различия между системами: DeepL частично распознает идиоматическое значение и предлагает функционально-эквивалентное решение *Ты такой трус*, что свидетельствует о попытке прагматической компенсации. Однако при переводе на армянский язык также фиксируется возврат к буквальной кальке *Դու, մեծ արջկապույտի շալիկ* (досл.: *ты, большая девичья блузка*), что указывает на нестабильность обработки фразеологических единиц в различных языковых направлениях. Google и Yandex Translate, напротив, последовательно сохраняют буквальную стратегию, не выходя за пределы поверхностной лексической интерпретации *Твоя большая девичья блузка / Он похож на блузку для большой девочки*. При переводе на армянский язык Google Translate допускает лексико-семантическую ошибку, передавая выражение как *քո մեծ արջկապույտի դուստր* (досл.: *блузка твоей старшей дочери*), что свидетельствует о неверной интерпретации исходного выражения и нарушении его денотативной целостности.

В отличие от машинного перевода, профессиональный перевод обеспечивает прагматическую адаптацию и сохранение инвективного значения *Да ты трус!* / *Գիտիմուհի մեկն ես* (досл.: *ты такой трус*) за счет модуляции и прагматической компенсации. При этом, несмотря на отказ от буквальной фразеологической формы, сохраняются коммуникативная цель высказывания и его оценочно-инвективный характер. Таким образом, машинный перевод характеризуется доминированием буквальной интерпретации идиом, тогда как профессиональный перевод обеспечивает функциональную эквивалентность и адекватную передачу коммуникативной интенции высказывания.

Сложности возникают также при передаче культурно-специфической пейоративной единицы *խիտր* (досл.: *огурец*), функционирующей в разговорном армянском языке в качестве инвективного обозначения слабого, безвольного и социально несостоятельного индивида. Несмотря на формальное денотативное значение, единица приобретает метафорически переосмысленную и прагматически маркированную функцию, актуализируемую в сниженно-оценочных и конфликтных дискурсах, включая политический. Это обуславливает высокую степень сложности перевода и необходимость прагматической адаптации.

Ключевая проблема перевода связана с межъязыковой асимметрией коннотаций. В английском языке лексема *cucumber* входит в состав положительно или нейтрально маркированной идиомы *as cool as a cucumber*, обозначающей эмоциональную устойчивость, сдержанность, спокойствие и хладнокровие, тогда как в русском языке выражение *как огурчик* имеет положительно-оценочное значение и описывает хорошее физическое состояние человека. Таким образом, совпадение денотата не сопровождается совпадением прагматических и аксиологических характеристик, что приводит к межъязыковой семантической асимметрии.

Анализ машинных переводов показывает отсутствие единой стратегии интерпретации. При переводе исходного выражения *Տո ար խիտր* (досл.: *Слышь, ты, огурец*) машинные системы не распознают его переносное, культурно закрепленное значение, интерпретируя высказывание буквально как *cucumber/огурец*, что приводит к утрате инвективной функции и прагматической девиации.

Так, DeepL предлагает буквальный вариант *Oh, what a cucumber/ Ой, какой огурец*, что отражает денотативную, но не прагматическую эквивалентность. Google Translate элиминирует инвективный компонент, заменяя его нейтральной реакцией *Oh my gosh / О боже мой*, что свидетельствует о прагматической нейтрализации. Yandex Translate демонстрирует семантическую деструкцию исходной единицы *To get cumin / Чтобы получить тмин*, указывающую на нарушение лексико-семантических связей и утрату когерентности высказывания.

В отличие от машинного перевода, человеческая интерпретация основана на распознавании эксплицитной пейоративности и культурного статуса единицы и предполагает функционально

эквивалентную адаптацию: в русскоязычной версии – *Слышь, ты, лох!*, в англоязычной – *Hey you, wimp!*

Подобные сложности возникают и при передаче русских фразеологических единиц и разговорно-сниженной лексики, поскольку их значение определяется не столько лексической формой, сколько прагматическим контекстом и интенцией говорящего. Рассмотрим на примере выражений *хрен с ним* и *хрен им*, которые нередко смешиваются и некорректно интерпретируются как системами машинного перевода, так и переводчиками. Первое выражение обозначает уступку или согласие *пусть; черт с ним; пускай*, тогда как второе выражает категорический отказ *не дождутся*.

Данные различия особенно наглядны в политическом дискурсе, например, в высказывании: *У нас такого оружия больше, чем у стран НАТО. Они знают об этом и все время склоняют нас к его сокращению – хрен им, как у нас в народе говорят* (В.В. Путин, Россия, 2023 г.⁸). В данном контексте выражение *хрен им* функционирует как экспрессивная инвектива с семантикой категорического отказа и усиления конфронтационной позиции.

Анализ переводов показывает общую тенденцию к искажению прагматической структуры фразеологизма. Системы машинного перевода не распознают выражение *хрен им* как разговорную фразеологическую единицу. В переводах Google Translate на английский *screw them* и армянский *սիհժծէ՛ք դիւիք* (досл.: *прокляните их*) наблюдается смещение от значения категорического отказа к общей инвективной оценке. Переводы DeepL демонстрируют эвфемизированную инвективность с ослаблением категоричности отказа – *to hell with them / յոն դժմխոսն ձեռն* (досл.: *пусть остаются в аду*). Система Yandex Translate дает наиболее нестабильные результаты: в английской версии *fuck them* усиливается грубость, тогда как в армянской *հալված են ձեզ կրծիտե՛կ* (досл.: *склонны сокращать нас*) происходит разрушение фразеологической структуры и переход к описательной конструкции с нарушением синтаксической связности.

Таким образом, основные проблемы включают: нераспознавание фразеологизма как прагматической единицы, смещение отказа и оскорбления, колебания между эвфемизацией и гиперболизацией инвективности, а также синтаксическую нестабильность и утрату политико-прагматической функции категорического отказа.

Анализ данного высказывания в переводах международных медиа показывает, что трудности интерпретации русской разговорно-инвективной фразеологии характерны не только для систем машинного перевода, но и для профессиональных переводчиков. Это свидетельствует о высокой прагматической специфике единицы *хрен им*, которая затрудняет ее однозначную передачу средствами английского языка.

Переводы, представленные в материалах Euronews на английский язык *the hell with them* (*к черту их*) и Al Jazeera *screw them* (*да пошли они*) демонстрируют различные стратегии передачи данного выражения в политическом дискурсе. В обоих случаях сохраняются общая инвективная направленность и прагматическая функция категорического отказа, что обеспечивает частичную функциональную эквивалентность. При этом вариант Euronews характеризуется смягчением экспрессивности и снижением степени разговорной грубости оригинала, тогда как перевод Al Jazeera использует более прямую инвективную форму, что приводит к стилистическому сдвигу в сторону большей эксплицитности.

Следует отметить, что русская единица *хрен им* не имеет прямого однословного эквивалента в английском языке и передается набором функционально близких выражений *the hell with them, screw them* и др., каждое из которых лишь частично актуализирует либо компонент категорического отказа, либо компонент инвективной экспрессии, не воспроизводя полностью исходную прагматическую структуру высказывания.

При переводе на армянский язык, выполненном профессиональным переводчиком, используется эквивалентное разговорно-сниженное восклицание *Այդ հա* (непереводимая единица,

⁸ Цитата президента В.В. Путина, <https://ria.ru/20230616/oruzhie-1878743400.html> дата доступа 01.06.2026

существующая в армянской разговорной речи более соответствующая русской как *бы не так / еще чего*), передающее значение категорического отрицания и отказа: *Մեկը ասելի շատ նման զեկը տեկը, քան ՆԱՏՕ-ի երկրները, նրանք որի մասին գրեմեն և մեզ անհայտն են կրճատել, – շարունակել է Պաշինյան, – Արը հա (хрен им), ինչպես ժողովուրդն է ասում.* (досл.: *У нас такого оружия больше, чем у стран НАТО, они знают об этом и заставляют нас сокращать, – продолжил Путин, – как бы не так (хрен им), как говорят в народе*).

В английском языке также существуют экспрессивные единицы сниженного регистра, выражающие категорическое несогласие или отказ: *No way! Hell No! Fat chance! Not (bloody) likely! (Ни за что! Фиг! Фигушки! Как бы не так! Черта с два! Не дождетесь! Не получится! Ни в коем случае! Ни за что! Ничего подобного!)*, которые могли бы стать адекватной заменой данной идиомы.

Важным фактором, влияющим на качество перевода культурно специфических фразеологизмов, является степень языковой и культурной контактности между языковыми системами. В случае русско-армянского адекватного перевода существенную роль играет длительная традиция билингвизма и интенсивных языковых контактов, сформировавшаяся в период общего социокультурного пространства, что способствует более высокой степени узнаваемости разговорно-сниженной и культурно маркированной лексики. Это облегчает интерпретацию даже прагматически сложных и культурно специфических единиц.

Этнопрагматические искажения инвективного дискурса

Современный политический медиадискурс характеризуется усилением агрессивной риторики, в рамках которого инвективная и пейоративная лексика, включая этнофоллизмы, демонстрирует высокую частотность. В данном случае в качестве объектов анализа рассматриваются пары *турок – предатель* и *սյ ճինակցի* (досл.: *эй китайский*) – *дешевка*, позволяющие выявить механизмы псевдоэтнической номинации и прагматических искажений в машинном переводе инвективного дискурса.

Особого внимания заслуживают конструкции *թուրք* (досл.: *турок*) и *թուրք Նիկոյ* (досл.: *Никол турок*), представляющие собой политически и культурно обусловленные инвективные номинации, где этноним функционирует не в прямом, а в пейоративно-оценочном значении, выступая средством делегитимации политического субъекта. Данная конструкция закреплена в политическом медиадискурсе Армении в качестве инвективно переосмысленного этнонима *предатель* и актуализирует негативные историко-политические коннотации.

Анализ машинных переводов демонстрирует систематическую неспособность к распознаванию данной прагматической функции. Все основные системы воспроизводят высказывание как *Turk Nikol, Turkish Nicol* или *турецкий Никол, турецкий Николь, турок Никол*, то есть интерпретируют этноним исключительно в его прямом денотативном значении, игнорируя прагматическую и инвективную функцию высказывания. В результате происходят прагматическая нейтрализация оскорбительного компонента и редукция высказывания к нейтральной этнической характеристике, вследствие чего оно интерпретируется носителями других языков не как оскорбление, а как констатация национальной принадлежности.

Дополнительно фиксируется ономастическая интерференция: система DeepL интерпретирует мужское имя *Նիկոյ* (досл.: *Никол*) как *Nicole* (женское имя *Николь*), что приводит к гендерному смещению и дискурсивной дезориентации.

В отличие от машинных систем, медиапереводчики учитывают прагматико-дискурсивный контекст и передают высказывание как *Nicol is a traitor, the defeatist Pashinyan, Никол – Предатель, Никол – турок*, осуществляя тем самым модуляцию значения и экспликацию скрытой инвективной семантики. В армянской культуре после событий 1915 г. (геноцид западных армян) *турок* часто используется в значении *предатель*.

Таким образом, рассматриваемая единица относится к этнонимам, подвергающимся инвективизации в политическом медиадискурсе, при которой наблюдается расхождение между буквальным значением этнонима и его дискурсивно обусловленной отрицательной оценочной интерпретацией.

Ярким примером прагматической несостоятельности машинного перевода является передача армянского высказывания *Չ չհիսկաւի... Մի հստ հիւզանցի* (досл.: *Эй китайский ... Ну-ка успокойся*), переведенного системой как *Ой, китайцы... Просто не переживайте*, а в английском варианте — *Hey, Chinese, take a break*. Данный результат демонстрирует комплексное искажение на семантическом, прагматическом и культурном уровнях, причем выявленные ошибки носят системный характер и воспроизводятся независимо от языка целевого перевода.

Ключевая ошибка связана с некорректной интерпретацией единицы *չհիսկաւի* (досл.: *китайский*). Формально являясь этнонимическим прилагательным со значением *китайский*, в разговорной армянской речи она приобретает вторичное пейоративное значение, основанное на культурном стереотипе *дешевый, низкокачественный*, и функционирует как субстантивированное оценочное наименование по типу *дешевка*. В данном употреблении утрачивается этническая референция и реализуется семантическая деривация с закреплением отрицательной коннотации.

Машинный перевод не распознает данный механизм и интерпретирует единицу как этническое прилагательное, что приводит к формированию псевдоэтнической референции *китайский/Chinese* и прагматическому смещению адресации. В результате бытовая инвектива трансформируется в потенциально этнически маркированное высказывание, усиливающее конфликтный потенциал и искажающее исходную прагматику.

Не менее существенной является ошибка в передаче полисемантической единицы *հիւզանցի* (досл.: *успокойся*). В армянском языке данная форма может означать *отдохни, успокойся, угомонись, прекрати*. В рассматриваемом контексте парламентской словесной перепалки актуализируется вторичное значение — призыв прекратить конфликт или снизить эмоциональную напряженность. Машинный перевод, не учитывая коммуникативную ситуацию, выбирает базовое словарное значение *сделайте перерыв / take a break*, что приводит к прагматическому искажению высказывания.

С учетом прагматического и культурного контекста адекватная передача высказывания требует функционально-эквивалентного перевода. В отличие от систем машинного перевода, профессиональный переводчик использует комплекс прагматических стратегий, направленных на сохранение инвективной и оценочной структуры при адаптации формы к нормам целевого языка. В данном случае возможны следующие переводческие решения:

Дешевка... А ну успокойся... — применяется стратегия прагматической адаптации с элементами модуляции и экспликации имплицитной оценочности, что позволяет сохранить инвективную направленность оригинала и передать ее в форме сниженной разговорной агрессии целевого языка;

You're so cheap... Calm down... — используется стратегия прагматической адаптации с частичной модуляцией и компенсацией оценочного компонента, при которой пейоративная характеристика *дешевка* эксплицируется посредством английского прилагательного *cheap*, а побудительная интонация сохраняется через императивную конструкцию *calm down*.

Аналогичные механизмы интерпретационных сдвигов фиксируются также в группе этнонимически маркированных единиц, что проявляется в следующем примере: *Цена продажности: макаронники торгуют принципами* (Армения, 2021 г.). Лексема *макаронники* в данном случае, являясь этнокультурным дисфемизмом в адрес *итальянцев*, реализует инвективную функцию в политическом медиадискурсе. Семантика единицы основана не на прямом значении, связанном с пищевым продуктом, а на культурно закрепленной этностереотипной метонимии, актуализирующей негативно-оценочный фрейм.

Профессиональные переводчики распознают инвективный и этнокультурный характер данной единицы и при переводе на английский язык используют функционально эквивалентную пейоративную номинацию *wop*: ...*wops sell principles*. Подобная стратегия представляет собой прагматическую адаптацию, направленную на сохранение инвективного потенциала, оценочного и коммуникативного эффекта исходного высказывания.

В отличие от этого, системы машинного перевода демонстрируют буквальную интерпретацию единицы, передавая ее как *pasta makers, pasta manufacturers, մսկարրնեղենի արտադրողները, մսկարրնեղենի արտադրողները* (досл.: *производители макаронных изделий, изготовители макаронных изделий*). При переводе на армянский язык Yandex Translate предлагает вариант *Մսկարրնեղենը վաճառում է սկզբունքները* (досл.: *макаронные изделия продают принципы*), что свидетельствует о лексико-семантическом и синтаксическом искажении, поскольку этнопейоративная номинация ошибочно интерпретируется как неодушевленный субъект действия.

Подобный перевод свидетельствует о нераспознавании этнопейоративного характера лексики и редукции переносного значения к денотативному уровню. В результате происходит когнитивно-фреймовое смещение: вместо фрейма этнической инвективы активируется нейтральный профессионально-производственный фрейм, связанный с изготовлением макаронных изделий. Это приводит к прагматической нейтрализации высказывания, утрате инвективной функции и разрушению оценочно-конфликтной направленности политического сообщения.

Таким образом, сопоставительный анализ приведенных примеров подтвердил доминирующую роль буквального перевода в системах нейронного машинного перевода при обработке культурно и инвективно маркированных единиц, что приводит к систематическим прагматическим и когнитивным искажениям. С другой стороны, профессиональный перевод, выполненный человеком, обеспечивает функционально-эквивалентную передачу значения за счет учета контекста, прагматической интенции и культурно обусловленных коннотаций.

Заключение

В результате проведенного исследования выявлены ограничения нейронных систем машинного перевода (Google Translate, DeepL, Yandex Translate) при обработке прагматически значимых и культурно обусловленных языковых единиц. Наиболее существенные нарушения фиксируются на уровнях культурно-прагматического и когнитивно-семантического анализа, что проявляется в:

- когнитивно-фреймовых несоответствиях и межъязыковой рассинхронизации оценочных моделей;
- искажении коммуникативной интенции высказываний (необоснованное усиление или нивелирование агрессии);
- нейтрализации иронического и саркастического эффекта, а также неспособности распознавания языковой игры и дискурсивных импликаций;
- формировании псевдоэтнической номинации и прагматическом смещении адресации;
- буквальной интерпретации идиом, зоометафор и устойчивых выражений;
- морфосинтаксических и формально-графических (технических) искажениях.

В целом исследование показывает, что именно прагматическая и культурная маркированность инвективной лексики как формы речевой агрессии является ключевым фактором расхождения между машинным и профессиональным переводом. Наиболее устойчивые ошибки возникают не на уровне лексики, а на уровне интерпретации интенции, фрейма и дискурсивной функции высказывания.

Особо значимым результатом является то, что машинный перевод в ряде случаев изменяет прагматический статус высказывания, снижая его воздействующую функцию и трансформируя его в нейтрально-информативную конструкцию, что ведет к частичной утрате политико-

коммуникативного эффекта. Это свидетельствует о нарушении ключевых функций медиадискурса – информационной и воздействующей, вследствие чего продукт машинного перевода искажает смысл оригинала и частично теряет статус эквивалентного перевода.

В отличие от машинных систем, перевод, выполняемый человеком, обеспечивает более точную когнитивную и культурно обусловленную интерпретацию и функциональную эквивалентность за счет применения переводческих стратегий и трансформаций с учетом экстралингвистического и коммуникативного контекста.

Полученные результаты свидетельствуют о том, что системы машинного перевода, несмотря на технологический прогресс, при обработке культурно маркированных текстов остаются вспомогательным инструментом, эффективность которого определяется последующей экспертной постредакцией. Это подтверждает необходимость гибридной модели перевода с обязательным участием человека как интерпретатора прагматических и культурных значений.

Иными словами, машинный перевод и профессиональный перевод не находятся в отношении взаимного исключения: нейронные системы обладают преимуществом в скорости и объеме обработки данных, однако ограничены в интерпретации экстралингвистических и культурных параметров дискурса.

Результаты исследования могут быть использованы в корпусно-ориентированных и диахронических исследованиях, направленных на выявление эволюции стратегий машинного перевода и совершенствование алгоритмов нейронных систем при обработке прагматически и культурно маркированных единиц политического медиадискурса, а также для уточнения параметров разметки и обучения параллельных корпусов.

Полученные данные имеют практическую значимость для разработки систем постредактирования машинного перевода, ориентированных на повышение точности передачи инвективной и оценочной семантики и на снижение уровня прагматических искажений.

Материалы исследования могут быть использованы в образовательной практике – в курсах по переводоведению, когнитивной лингвистике и лингвокультурологии.

Таким образом, исследование обладает теоретической и прикладной значимостью, способствуя развитию междисциплинарного подхода к изучению машинного и профессионального переводов в условиях современного цифрового медиадискурса и лингвокультурологии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. **Сиротинина О.Б.** Положительные и негативные следствия двадцатилетней «свободы» русской речи // Проблемы речевой коммуникации. Вып. 8. Саратов: Издательство Саратовского университета, 2008. С. 5–13.
2. **Карасик В.И.** Языковой круг: личность, концепты, дискурс. Волгоград: Перемена, 2002. 477 с.
3. **Gasparyan G.R., Cherniavskaia V.E.** Текст как дискурсивное событие // Вопросы когнитивной лингвистики. 2014. Т. 4 (41). С. 44–51.
4. **Koehn Ph.** Neural Machine Translation. Cambridge University Press, 2020. 393 p.
5. **Апресян Ю.Д., Бабаева Е.Э., Богуславская О.Ю., Иомдин Б.Л., Крылова Т.В., Левонтина И.Б., Санников А.В., Урысон Е.В.** Языковая картина мира и системная лексикография / отв. ред. Ю.Д. Апресян. М.: Языки славянских культур, 2006. 912 с.
6. **Langacker R.** Investigations in cognitive grammar. Berlin: Mouton de Gruyter, 2009. 396 p. DOI: 10.1515/9783110214369
7. **Talmy L.** Toward a Cognitive Semantics. Vol. 2: Typology and Process in Concept Structuring. Cambridge, MA: MIT Press, 2000. 495 p. DOI: 10.7551/mitpress/6848.001.0001
8. **Вежбицкая А.** Язык. Культура. Познание / пер. с англ.; отв. ред. и сост. М.А. Кронгауз; вступ. ст. Е.В. Падучевой. М.: Русские словари, 1996. 416 с.

9. **Nida E., Taber Ch.** The theory and practice of translation. Leiden: E.J. Brill, 1982. 218 p. DOI: 10.1163/9789004669147
10. **Nida E.** Contexts in Translating. Amsterdam; Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. 127 p.
11. **Nord Ch.** Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained. 2nd ed. New York: Routledge, 2018. 190 p.
12. **Reiss K., Vermeer H.J.** Towards a General Theory of Translational Action: Skopos Theory Explained / transl. from the German by Ch. Nord. London; New York: Routledge, 2013. 221 p.
13. **Швейцер А.Д.** Теория перевода: Статус, проблемы, аспекты. 2-е изд. М.: URSS, 2023. 216 с.
14. **Бархударов Л.С.** Язык и перевод: Вопросы общей и частной теории перевода. М.: URSS, 2023. 240 с.
15. **Комиссаров В.Н.** Лингвистика перевода. М.: Стереотип, 2023. 176 с.
16. **Ezzoubeyr M., Noussaiba D.** Translating Culture Specific Items: A Comparative Analysis of Human and Artificial Intelligence Translations // YMER. 2024. Vol. 23, Iss. 12. P. 771–781. DOI: 10.37896/YMER23.12/58
17. **Budimir B.** The Challenge of Translating Culture-Specific Items: Evaluating MT and LLMs Compared to Human Translators // Proceedings of Machine Translation Summit XX: Volume 1. Geneva, 2025. P. 455–467.
18. **Naveen P., Trojovský P.** Overview and challenges of machine translation for contextually appropriate translations // iScience. 2024. Vol. 27, Iss. 10. Art. no. 110878. DOI: 10.1016/j.isci.2024.110878
19. **Гребенников А.О., Иванова Е.П., Корышев М.В., Соловьева М.В.** Компьютерные технологии при анализе переводческих сопоставлений // Terra Linguistica. 2024. Т. 15, № 3. С. 35–46. DOI: 10.18721/JHSS.15304
20. **Серова О.У.** Автоматизированное исследование индикаторов переводческого языка на материале переводов научных статей // Terra Linguistica. 2025. Т. 16, № 1. С. 61–81. DOI: 10.18721/JHSS.16105
21. **Newmark P.** A Textbook of Translation. Prentice Hall International (UK) Ltd., 1988. 292 p.
22. **Newmark P.** Approaches to Translation. London: Polytechnic of Central London; Oxford: Pergamon Press Ltd. Headington Hill Hall, 1982. 200 p.
23. **Talmy L.** Toward a Cognitive Semantics. Vol. 1: Concept Structuring Systems. Cambridge, MA: The MIT Press, 2000. 565 p.

REFERENCES

- [1] **Sirotinina O.B.,** Polozhitelnyye i negativnyye sledstviya dvadtsatiletney “svobody” [Positive and negative consequences of twenty years of “freedom” of Russian speech], Problemy rechevoy kommunikatsii [Problems of speech communication], ed. by M.A. Kormilitsyna, O.B. Sirotinina, Iss. 8, Saratov University Press, Saratov, pp. 5–13.
- [2] **Karasik V.I.,** Yazykovoy krug: lichnost, kontsepty, diskurs [Language circle: personality, concepts, discourse], Peremena, Volgograd, 2002.
- [3] **Gasparyan G.R., Cherniavskaia V.E.** Text as co-existence in discourse, Issues of Cognitive Linguistics, 4 (41) (2014) 44–51.
- [4] **Koehn Ph.,** Neural Machine Translation, Cambridge University Press, 2020.
- [5] **Apresyan Yu.D., Babayeva Ye.E., Boguslavskaya O.Yu., Iomdin B.L., Krylova T.V., Levontina I.B., Sannikov A.V., Uryson Ye.V.,** Yazykovaya kartina mira i sistemnaya leksikografiya [Language picture of the world and systemic lexicography], ed. by Yu.D. Apresyan, Languages of Slavic Cultures, Moscow, 2006.
- [6] **Langacker R.,** Investigations in cognitive grammar, Mouton de Gruyter, Berlin, 2009. DOI: 10.1515/9783110214369
- [7] **Talmy L.,** Toward a Cognitive Semantics, 2: Typology and Process in Concept Structuring, The MIT Press, Cambridge, MA, 2000. 495 p. DOI: 10.7551/mitpress/6848.001.0001

- [8] **Wierzbicka A.**, Yazyk. Kultura. Poznaniye [Language. Culture. Cognition], comp. and ed. by M.A. Krongauz, Russkiye slovari, Moscow, 1996.
- [9] **Nida E., Taber Ch.**, The theory and practice of translation, E.J. Brill, Leiden, 1982. DOI: 10.1163/9789004669147
- [10] **Nida E.**, Contexts in Translating, John Benjamins Publishing Company, Amsterdam, Philadelphia, 2001.
- [11] **Nord Ch.**, Translating as a Purposeful Activity: Functionalist Approaches Explained, 2nd ed., Routledge, New York, 2018.
- [12] **Reiss K., Vermeer H.J.**, Towards a General Theory of Translational Action: Skopos Theory Explained, transl. from the German by Ch. Nord, Routledge, London, New York, 2013.
- [13] **Shveitser A.D.**, Theory of Translation: Status, Problems, Aspects, 2nd ed., URSS, Moscow, 2023.
- [14] **Barkhudarov L.S.**, Language and Translation: Issues of General and Specific Theory of Translation, URSS, Moscow, 2023.
- [15] **Komissarov V.N.**, Lingvistika perevoda [Translation linguistics], Stereotip, Moscow, 2023.
- [16] **Ezzoubeyr M., Noussaiba D.**, Translating Culture Specific Items: A Comparative Analysis of Human and Artificial Intelligence Translations, YMER, 23 (12) (2024) 771–781. DOI: 10.37896/YMER23.12/58
- [17] **Budimir B.**, The Challenge of Translating Culture-Specific Items: Evaluating MT and LLMs Compared to Human Translators, Proceedings of Machine Translation Summit XX: Volume 1, Geneva, 2025, pp. 455–467.
- [18] **Naveen P., Trojovsky P.**, Overview and challenges of machine translation for contextually appropriate translations, iScience, 27 (10) (2024) 110878. DOI: 10.1016/j.isci.2024.110878
- [19] **Grebennikov A.O., Ivanova E.P., Koryshev M.V., Solovieva M.V.**, Computer technologies in comparative analysis of translation, Terra Linguistica, 15 (3) (2024) 35–46. DOI: 10.18721/JHSS.15304
- [20] **Serova O.U.**, An automated study of translationese indicators in scientific paper translations, Terra Linguistica, 16 (1) (2025) 61–81. DOI: 10.18721/JHSS.16105
- [21] **Newmark P.**, A Textbook of Translation 2024 Prentice Hall International (UK) Ltd., 1988.
- [22] **Newmark P.**, Approaches to Translation, Polytechnic of Central London, London, Pergamon Press Ltd. Headington Hill Hall, Oxford, 1982.
- [23] **Talmy L.**, Toward a Cognitive Semantics, 1: Concept Structuring Systems, The MIT Press, Cambridge, MA, 2000. 565 p.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ / INFORMATION ABOUT AUTHORS

Гаспарян Гаянэ Раффиевна

Gayane R. Gasparyan

E-mail: gasparyan.gayane@yandex.ru

ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-3353-8512>

Ишханян Мери Сергеевна

Meri S. Ishkhanyan

E-mail: ishkhanyanmeri111@gmail.com

ORCID: <https://orcid.org/0009-0003-1487-645X>

Поступила: 08.05.2026; Одобрена: 09.06.2026; Принята: 19.06.2026.

Submitted: 08.05.2026; Approved: 09.06.2026; Accepted: 19.06.2026.